

ҚАЗАҚ ФИЛОСОФИЯСЫ: ӨТКЕНІ, БҮГІНІ
ЖӘНЕ БОЛАШАҒЫ

I ТОМ

КАЗАХСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

ТОМ I

Алматы 2016

УДК 1/14(035.3)
ББК 87.3
Қ 17

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті Философия және саясаттану факультетінің Ғылыми Кеңесі басыпағы ұсынған (23.02.2016. Хаттама №9).

Жалпы редакциясын басқарған: Нұрышева Г.Ж., Рамазанова А.Х.

Рецензенттер:
философия ғылымдарының докторы, профессор Мырзалы С.К.
философия ғылымдарының докторы, профессор Нұрмұратов С.Е.

Қ 17 Қазақ философиясы: өткені, бүгінгі және болашағы/Қазақстан философиясы: прошлое, настоящее и будущее; Монография/Ред. Нұрышева, А.Х. Рамазанова. – Алматы, 2016 – 252 б. – Қазақстан Республикасының Ғылым және Ғылымдар министрлігінің ұсынысымен. – ISBN 978-601-04-1547-8.

ISBN 978-601-04-1547-8

Монографияға Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті Философия және саясаттану факультеті Философия кафедрасы ғалымдарының қазақ философиясының өткені, бүгінгі және болашағының өзекті мәселелерін зерттеуге арналған ғылыми еңбектері енген. Қазақстанның ғылыми қоғамдастығына және республиканың жетекші философиялық кафедрасы ғалымдарының философиялық рефлексиясымен танысуға ниет білдірген көпшілікке ұсынылады.

В монографии представлены научные труды ученых кафедры Философии факультета Философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби, посвященные изучению актуальных проблем прошлого, настоящего и будущего казахской философии. Рекомендуется научной общественности Казахстана и всем желающим ознакомиться с философской рефлексией ученых ведущей философской кафедры республики.

ISBN 978-601-04-1547-8

УДК 1/14(025.3)
ББК 87.3

© Авторлар
ұжымы, 2016

ЗАМАНАУИ
БІЛІГІНІҢ Ә

Қазіргі таңда алатын жана үсінігі кең та ішімімен «Х азақстан Рес елгісі – қоғам асты. Сонды тәндік белгіі ркендігін түсі маңызды мәс Акпаратт ле. Постинд баскаруда а ығыстыра от алдымен, «Б Зерттеуі ең алдыме алғанда, ак дамидын і тұрады. Б Интернет келуі жә нәтижесі акпаратт түсуінің Элви кімнің і билік и салыст револос кезеңі эконо түбеге ұйым адамд

Хасанов М. Ш.,
доктор философских наук,
профессор
Петрова В. Ф.,
доктор философских наук,
профессор

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАЗАХСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Казахская философия формировалась на огромных пространствах евразийского субконтинента и перекрестье иных культур, заброшенных волнами времени на этот субконтинент. Она вобрала в себя элементы других (родственных и в корне отличных от нее) культур, но сохранила собственное неповторимое своеобразие. Философия казахов не потерялась и не растворилась в горниле пространства и времени (как это случилось и продолжает происходить с другими), не растеряла, а обрела свою социально-природную целостность. Этим она в первую очередь обязана мощным корням традиций и обычаев, а также голографичной, космологической (грандиозной по глубине и охвату) философии мифа. Эта культурфилософия казахов веками играла роль системо- и смыслообразующих скрепов в становлении и развитии народа.

А. Ф. Лосев отмечает, что миф – важная, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность. Для мифического сознания все живо и чувственно-ощутимо. Не только языческие мифы поражают своей скульптурной телесностью и видимостью, осязаемостью. Такова диалектика и христианских, и современных мифов. И, несмотря на то, что индийские и египетские, греческие и христианские мифы отнюдь не содержат в себе никаких специально философских или философско-метафизических интуиций или учений, но именно на их основании возникали и могут принципиально возникнуть соответствующие философские конструкции. Миф питает философию, придает ей скульптурность и отдает на волю логоса [1]. Эти слова о скульптурной телесности и видимости, осязаемости языческих мифов справедливы и в отношении казахских мифов.

Миф – самая древняя форма мировоззрения и общественного сознания. Он основан на фантастическом отражении в сознании людей реальной действительности. Миф «одушевляет» и «очеловечивает»

Большое внимание в мифах уделяется и различным периодам жизни людей, тайнам рождения и смерти, описаниям всевозможных испытаний, которые подстерегают человека на его жизненном пути. Особое место занимают «героические» и «производственные» мифы – о достижениях людей, о добывании огня, изобретении ремесел и развитии земледелия, а в наше время – «социальные» мифы.

Миф обычно совмещает в себе два аспекта — диахронический (рассказ о прошлом) и синхронический (объяснение настоящего и будущего). С помощью мифа прошлое связывалось с будущим, и это обеспечивало духовную связь поколений. Содержание мифа представлялось первобытному человеку в высшей степени реальным, заслуживающим абсолютного доверия. Он «творил миф и жил в нем».

Задача мифа состояла не в том, чтобы дать человеку какое-то знание или объяснение. Он служил для оправдания определенных общественных установок, для санкционирования определенного типа верований и поведения. Его регулятивная функция заключалась в установлении гармонии

Значительную часть казахской мифологии составляют «космологические» мифы, объяснявшие возникновение Вселенной. Основным принципом решения онтологических вопросов в мифологии являлся генетический принцип. Казахская мифология, как и греческая, начинается с рассмотрения акта Первотворения - возникновения Порядка и Гармонии из Хаоса. Как известно, объяснения по поводу первоначала мира, происхождения природных и общественных явлений чаще всего сводились к рассказу о том, «кто кого породил». В «Теогонии» Гесиода, «Илиаде» и «Одиссее» Гомера процесс творения мира имеет определенную хронологию. Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все возникло из безграничного Хаоса — весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земли — Гейя. Из Хаоса, источника жизни, поднялась могучая, все оживляющая филокалия - любовь к прекрасному.

Согласно субстанциональной версии, сотворение мира раскрыта следующим образом: *Прилетела однажды Умай в виде белого лебедя и стала кружить над водами океана. Искала, искала она хоть клочок суши, но не нашла. Снесла Умай яйцо прямо в воду, но оно утонуло. Погоревала богиня и решила сделать гнездо на воде. Выщипала она у себя пух, сделала гнездо, но волны его разбили и разметали. Тогда Умай решила раздобыть земли. Собралась она с духом и нырнула так глубоко, что достигла дна. Схватила лебедь немного земли в клюв и вынырнула на поверхность. Но куда положить добытую землю? Вот тогда Тенгри и послал трех железных рыб. Богиня положила комочек земли на спину одной из рыб. Вдруг он стал расти, увеличиваться прямо на глазах. Из него и образовалась суша. На ней Умай свила гнездо и снесла яйцо. А из этого яйца появились и люди, и весь окружающий мир. Поэтому турки считали богиню Умай своей прародительницей и очень почитали.*

Семантическая версия мифа о первотворении мира у турков связана с именем Коркута: *Казахи верили, что Коркут прилетел на белой верблюдице или птице. Он приземлился на реке Сыр-Дарья и воткнул свой кобыз посередине реки. Поскольку до прихода в Степь ислама казахи исповедовали тенгрианство, то для них Коркут - не Бог, а прародитель.*

Термин «коркут» многозначен, он состоит из двух частей: «қор» и «құт». «Қор» означает «зло», «несчастье»; «құт» — «счастье», «добро». От этого антиномичного понятия образовался ряд словосочетаний. Так, желая избе-

жать несчастий и бед, казахи говорят «кор болма». Желая кому-либо счастья и добра, они говорят «кұтты бол». Как видно, этимология слова «корқут» означает диалектическое единство добра и зла. Следовательно, в имени первопредка казахов слились воедино добро и зло, еще неразделенные, непроявленные. «Кор» в переводе с арабского языка означает «банк», а «құт» – «Бог». Следовательно, в сакральном плане смысл термина «корқұт» выражает «банк» (потенциал) Бога. Сакральный и этимологический смысл термина «корқұт» образуют полисемантическое целое [2].

Тюркская культура вобрала в себя опыт многих поколений племен ирано-тюркского происхождения, обитавших в Великой Степи. За несколько веков до н.э. срединный континент – Великая Степь (Евразия), простиралась от реки Хуанхэ почти до берегов Дуная и Ледовитого океана. Она была населена различными народами – европоидами (кроманьонцами), монголоидами и американоидами (индейцами, перебравшимися, по-видимому, по тонкому перешейку через Берингов пролив в поисках добычи). В тюркских языках до сих пор много слов, понятных дакотам [3].

С тех пор появлялись и исчезали конгломераты многих племен – гуннов, саков, уйсун, канглов, кипчаков, объединявшихся в недолговечные племенные союзы и государства кочевников. Со II века н.э. тюркский язык стал языком общения многочисленных племен, вошедших в Тюркский Каганат. Более полные сведения об обществе древних тюрков появляются в V веке. В тюркские племенные объединения входили огузы, уйгуры, карлуки, киргизы (хакасы), татары, кимаки, канглы, болгары, уйсун, печенеги, кыпчаки.

Историк Мурад Аджи утверждает, что 15 декабря 1893 года – «дата второго рождения тюрков». Копии надписей с загадочными «сибирскими» письменами попали к профессору кафедры сравнительного языкознания Копенгагенского университета В. Томсену совершенно случайно. Через три года вышла книга этого ученого, где за лаконичным названием «Дешифрованные орхонские надписи» находился ключ к прочтению древних тюркских текстов. Тексты, открытые им, были различны и по возрасту, и по содержанию. Одни из них относились к периоду, предшествовавшему Великому переселению народов, другие - к более поздним временам.

Итак, в XIX веке мир узнал, что передали предки нам, своим потомкам, в высеченных в камнях надписях. Камни заговорили. Приоткрылась вековая тайна Великой Степи. До нас дошли слова мудрого Бильге-кагана:

«Небоподобный, неборожденный... каган, я ныне сел на царство. Речь мою выслушайте идущие за мной, мои родичи и молодежь, союзные племена и народы.

После сотворения голубого неба и земли были сотворены сыны человеческие. Над ними восседали мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Они собрали племена, так появился тюркский народ. Четыре угла света были нам врагами. Но они покорили народы, жившие по четырем углам света, и принудили их к миру. Имеющих головы заставили склонить головы, имеющих колени заставили преклонить колени.

Мой младший брат, Кюль-тегин скончался, я же заскорбел, зрячие очи словно ослепли, разум словно потух. Небо определяет нам жизнь, сыны человеческие рождены, чтобы уйти» [4, с. 79].

Эти тексты свидетели того, что истоки письменной номадической культуры и философских воззрений казахов связаны с представителями Тюркского Каганата IV в. н.э., в частности, с Бильге-каганом, Йоллык-тегином, Тоньюкуком и с творчеством древнегреческого философа скифского (сакского) происхождения Анархасисом. Земли современного Казахстана входили в Западный Тюркский Каганат, центром которого было Семиречье с главным городом Суябом. Здесь селились тюргеши, карлуки, чигили и другие племена. Тюрки завоевали территорию современного Центрального Казахстана, Семиречья, Хорезма и Приуральские степи. Со II века тюркский язык стал языком общения многочисленных племен, вошедших в Каганат. Сами тюрки, как народ, исчезли, растворились в истории, оставив в наследство своим многочисленным приемникам свое имя – тюрок (тюркют) и язык.

Главная заслуга хуннов перед степными и европейскими народами заключается в том, что они многие века противостояли китайской экспансии, останавливали ханскую агрессию и не пропустили китайцев в Евразию и Европу. Полтора столетия меньшие по численности хунны, у которых войско и народ были единым целым, сдерживали ханскую агрессию.

Древние тюрки поклонялись единому верховному богу – Кок-Тенгри, почитали природу. По словам французского ученого Жан-Поля Ру, задолго до новой эры тюрки, жившие тогда на Алтае и в Южной Сибири, поклонялись «человеку-небу», «человеку-солнцу» — Тенгри. Китайские историки тоже сообщали о распространенном у тюрков культе Тенгри, относя его самое позднее к V–III векам до нашей эры. Известный историк Аджи полагает, что найденные академиком Окладниковым наскальные картины с религиозными сюжетами подтверждают данные китайцев.

Аджи отмечает, что «Бог пришел к тюркам, Он выбрал их, но, и это очевидно, Тенгри не мог быть духовной «собственностью» только тюрков. Бог един и мир един. Значит, Он — богатство всех народов, тюрки лишь первыми познали Его». Тенгри — древнейший образ Востока. Он — небесный дух, Вечное Синее Небо. Причем Небо — это и Он сам, и место Его обитания... Кумыки говорят «Тенгри» или «Тенгери», буряты — «Тэнгэри», монголы — «Тэнгер», чувашаи — «Тура». Произношение разнится, а смысл слова одинаков: мужское, божественное начало. С детства тюрки знали: Тенгри — хозяин судьбы человека, народа, государства. Он — творец мира, Он — высший хан! В отличие от других древних народов у тюрков Бог был единым [4, с. 8].

В казахской мифологии мир делится на три части: верхний мир – обитель Тенгри и душ предков, срединный мир – мир людей; нижний – мир темных сил. Все три мира взаимосвязаны.

Тюрко-монгольские кочевники поклонялись Тенгри-хану – божеству Неба. Так, есть свидетельства о том, что общественные моления в честь Тенгри – культа Неба проводили древнетюркские каганы. Единому богу Неба обращался в своих молитвах Чингизхан и Джамуха. Тенгрианство выступала как

государственная идеология в Тюркских каганатах. В евразийских степях через торговые пути проникали миссионеры различных верований, они оставили свои следы в шаманских верованиях тюркских народов Сибири и Центральной Азии. Тенгрианство можно определить как синтетическую религию, вобравшей духовные традиции Ближнего и Дальнего Востока, что позволяет сделать вывод о том, что у древних тюрков тенгрианство было мировоззрением и нашло отражение в мифологии.

В мире людей главные добродетельные силы – Жер и Су. Легенда гласит, что на Алтае есть молочное озеро, в нем – священный золотой тополь, связывающий землю и небо в единое целое. У Жер-Су есть еще одно озеро, в котором обитает Куер-балык – рыба-прародительница, поддерживающая горы и несущая в себе прототипы всех видов людей и животных. Она наделяет их зародышами духов-покровителей родов, а те распространяют их в реальной жизни. Пространство Жер-Су мыслилось предками четырехугольным (делилось на 4 стороны света) и во всех «углах» – враждебные народы. Женское божество Умай (утроба) – покровительница детей, очага, искусств. От нее зависит рождение сыновей, продолжение рода.

Во главе нижнего мира, мира умерших, стоит Ерлик – бог смерти. Это старик с черными, бездонными глазами, с бородой до колен, питающийся кровью и живущий в реке слез Тойманды. Ерлик – главный злодей, его нужно задабривать.

В мифическом пантеоне тюрков есть более древние божества, чем Умай или Шолпан. Это старуха из меди Мыстан, которая «сшивает» медным клювом и когтями «щель» земли на Западе, на земле демона, она – покровительница природы. Но уже в эпосе «Кобланды-батыр» ее образ и роль меняются. Там она символизирует темные силы, хаос и противопоставляется божеству неба и гор – Коктим-Аймаку – еще более древнему, чем Тенгри.

Аруахи, добрые духи предков, защищали людей, охраняли вход в жилище, в аул. Среди животных почитались все, кроме козы и коровы – символов нижнего мира. Запрещалось убивать лебедей, сов, филинов, дятлов, синих ворон (сорок), а кукушки считались священными, почти людьми. Иными словами, добрые духи (и животные) были конкретны, к ним взывали, бросая родовой клич. Злые силы были безличны. Среди них самый опасный и злой – албасты, он вредил человеку со дня рождения. Ему помогали шайтаны, жынны, конаяки, сорели (лешие). Злых духов отпугивали кружением. Отсюда – так любимое и по сей день народом многозначное «айналайын!», т.е. кружась, беру на себя твою боль.

Наряду с культом Тенгри был распространен и культ Митры (по Авесте, бог света, с оружием в руках) – покровителя кочевников-воинов, хранителя клятв и договоров. Среди кочевых племен распространены были также шаманизм, а позже – буддизм, зороастризм, христианство, ислам.

Своеобразие культуры древних тюрков обусловлено полукочевым образом жизни, обширными торговыми и культурными контактами с более древним миром кочевых племен – саками (скифами) и гуннами эпохи бронзы, а

также сложной структурой общества, где совмещались военный и племенной строй с элементами военной демократии.

После вхождения Казахстана в состав Российской империи традиционная казахская культура оказались под мощным прессом западной культуры. Впрочем, Россия и сама являет не столько западный, сколько евразийский тип культуры. К этому типу можно отнести культуру народов, населявших и населяющих регионы: высокой Азии (Монголии, Тувы, Забайкалья), южный район (Казахстан и Средняя Азия), западный, включая Восточную Европу.

Л.Н. Гумилев первым поднял свой голос в защиту самобытной тюркской культуры. Он резко выступил против европоцентристской концепции о татарино-монгольском иге, об извечной вражде Поля и Великой степи. Последний евразиец, как себя называл Гумилев, отмечает, что, поскольку границы Тюркского Каганата в конце VI в. сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран тесно связаны с судьбами державы тюрков. В этой ситуации, по его мнению, тюрки не только играли роль посредников, но и одновременно развивали собственную культуру, которую они сочли возможным противопоставить культуре и Китая, и Ирана, и Византии, и Индии [102, с. 10].

Например, культура кочевников подарила миру колесо, одежду, первые доменные печи, неподражаемый «звериный» стиль в искусстве, один из первых струнных инструментов – кобыз, звук которого полифоничен, подобен человеческому голосу и предназначен для философских размышлений. Из ее недр вышел пророк Заратустра, заложивший основы древнейшей из религий – зороастризма.

Правда, в силу кочевого и полукочевого образа жизни способы передачи информации в культуре кочевников в корне отличны от европейских. Эта своеобразная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна в меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина кроется не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры – войлок, кожа, дерево и мех – сохраняются хуже, чем камень. Потому у великого французского искусствоведа Виолы де-Дюка возникло мнение, что кочевники были «трупниками человечества».

Между тем достижения кочевнической культуры свидетельствуют о силе, неповторимости и жизнестойкости ее носителей, развивших языковую, поэтическую и музыкальную восприимчивость и передававших эти способности из поколения в поколение не только на культурном, но и на генетическом уровне. Однако мало кто в Европе догадывается, что это исходит от той самой кочевой культуры, о которой на Западе в силу незнания, когда-то с пренебрежением говорили как об «антицивилизации», как о воплощении сил разрушения и невежества.

При рассмотрении вопроса о возрождении и дальнейшем развитии казахского народа и его культуры, философии в общественном мнении наблюдается значительный разброс мнений. Одни испытывают горечь по прошлому,

традициям и обычаям степного народа, другие органично «вписали» бы казахские жузы в привычную среду обитания, соединяя их с золотой степью и звездным небом над ней. Это можно понять, ибо прошлая кочевая культура казахов и в самом деле уникальное явление. Она имеет ряд преимуществ перед культурой оседлых народов и их образом жизни. Трудно сказать, что может сравниться с полным слиянием человека с природой, естественным «погружением» в окружающий мир, с ощущением вечного круговорота жизни и движения, дарующих беспрестанную смену окружения, с постоянной готовностью к испытаниям и упоительной свободой. Это только европейцу, «зажато» в ограниченном пространстве «месторазвития», кочевая культура представляется архаикой, ибо он привык восседать всю жизнь на одном месте, глядя на белый свет в чисто вымытое окно, рационально объясняя мир через абстрактные понятия. Некоторая ограниченность и упрощенность научной картины мира, сформированной западной культурой, обусловлена отчасти этим, поскольку такое видение мира основывается на иерархической структуре мировосприятия, в которой приоритетное положение занимает центр. Классическая европейская философия в качестве такого центра выдвигает «рацио». Рациональная гармонизация мира и панлогическое усечение бытия ограничивают познавательный инструментарий новоевропейской философии.

Думается, синкретичная культурфилософия Казахстана выдержит любые испытания. Ее закалили, но не разрушили долгие взаимоотношения с индоиранской, китайской, византийской, арабской, тюркской, монгольской, славянской цивилизациями. Все это лишь укрепляло дух народа, переплавляя и ассимилируя все ценное в горниле исконно степных традиций. Различие между кочевой и евразийской культурой весьма условно, так как на территории Евразии когда-то жили кочевые племена, которые постепенно переходили к полукочевому, а затем - к оседлому образу жизни. В основе казахской культуры и философии лежат, освященные мифологической символикой, традиции и обычаи этих племен.

Очевидно, что невозможно детально возродить традиционную культуру номадов в наши дни, да и нужно ли это живущим в другие времена? Однако не менее очевидно и то, что даже «легкое» прикосновение к ней умножает силы народа, а потому ее культурное значение непреходяще. Самосознание любого народа начинается с мифа (предание, сказание), который в эмоционально-рациональной, объективной и субъективной, естественной и сверхъестественной форме выражает представления людей о сотворении мира из хаоса, происхождении человека и различных стадиях его жизнедеятельности.

Таким образом, в основе казахской культуры и философии лежит синкретизм мышления (нерасчлененность, целостность), образное восприятие мира, философствование в нефилософских формах. Это нашло отражение в тенгрианстве и своеобразии культуры, которая и по сей день воспроизводится в мельчайших деталях в обычаях, в быте, менталитете.

Мифы казахов, как и мифы других народов, представлены в эпосах. Правда, герои казахского эпоса (Кобланды-батыр, Коркыт-ата) оказываются не

столько божественно-космологическими принципами как в греческой мифологии, а сколько – более антропоморфными персонажами. Например, Кобланды-батыр – сын человеческий, с многочисленной родней, воин по натуре. В эпосе о нем дается одно из возможных мифологических представлений о возникновении Гармонии жизни из Хаоса [5, с.28].

В символике мифа Кобланды – это Солнце, и потому он – свет. Куртка – Луна. «Четыре тучи», образовавшиеся вследствие их брака, это четыре стороны света, четыре стихии природы: воздух, вода, земля и огонь. Наступившая Гармония суть единство противоположностей бытия: верх-низа, севера-юга, востока-запада, левой и правой сторон. Связующим центром между небом и землею становится столб, упирающийся в небосвод. Столб – это Кус-жол, Млечный путь у славян, Дорога мертвых у греков, Птичья дорога у египтян. В конце этого пути находится единственная неподвижная точка небосвода – Темир-казык (Полярная звезда).

Для молодых, по указанию Коктим-Аймака, ставится белая юрта, и он же просит «ярким блеском монет золотых разукрасить ее изнутри, сверху выложить серебром» [5, с.35]. Семантика юрты молодых одновременно и проста и сложна. Проста, потому что сразу же «проглядывают» два начала: лунное – серебряное, солнечное – золотое. Сложна потому, что обе полусферы соединяются в единое целое, в сферу мироздания: две звездные полусферы, находящиеся одна в другой – снаружи серебряная, изнутри золотая, две космические чаши, символизирующие биполярность земной жизни, знак близнецов, и в то же время единство человека и космоса, человека и Бога. Бог и человек вторят друг другу, входят друг в друга, соотносясь как Мегакосм и Микрокосм. Бог казахов – это не солнце, а тот первичный Хаос, из которого возникает Гармония, он лунное существо. И неслучайно то, что лунная, серебряная сторона оказывается снаружи. Символика «первоюрты» отображает целостность и мира предков, и жилище их потомков на земле. Таким образом, человек оказывается внутренне-внешним существом, а боги-предки – внешне-внутренними. В такой трактовке первотворения отчетливо звучит мудрость Востока: «То, что внутри, то и снаружи, что внизу, то и наверху».

Небесная символика пронизывает всю культуру казахов и с завидным постоянством возвращается на каждом отрезке времени и жизни к темам Хаоса и Гармонии, Всеобъемлемости (наружности) и Всепроникновения (внутренней пронизанности) человека и космоса, их диалектической взаимосвязи. Единство человека и космоса осознается как связь с предками, с предначалом жизни, с Луной. А все вместе – это банк памяти (Коркут), из которого берет начало традиция почитания семи предков («семи колен» рода).

Стрела Кобланды, расколов на две части монету, создала две полярности: две половинки монеты – это добро и зло, свет и мрак, день и ночь, две фазы Луны (пребывание и убывание). Золотая монета, расколота пополам, парадоксальным образом символизирует единение двух начал (солнечного и лунного), отделенных стрелой времени друг от друга. Ту же символику заключает в себе и золотой телец, два рога которого означают две фазы Луны, а золотая шкура – Солнце.

Все эпические бай не имеют сыновей, детей. Это - предпосылка для поиска ими счастья, продолжения небесного рода на земле. И бай скитаются, просят-выпрашивают детей у могил своих предков.

В эпическом сказании «Айман – Шолпан» бай Маман тоже не имеет сыновей и он шьет из шкур пяти жеребцов саба (бурдюк) для кумыса, и называет ее «Туйемойнак», что означает «верблюжья шея». Народ прозвал ее «Алтын-пишпек» («Золотая мешалка»). Туйемойнак или Алтын-пишпек – это бездонный сосуд. Из него пьет весь народ, а он не истощается.

В казахской мифологии жизнь без сына воспринимается как Хаос, как непроявленная жизнь. Пять шкур – пять чувств человека, жеребцы (как и кони вообще) – символы высшего мира, они – посланцы между миром предков и миром людей. Верхний мир является единственной силой, гармонизирующей Хаос, проявляющей время и пространство через продолжение рода. Золотая мешалка – уже знакомый образ, соединяющий Солнце и Луну, в данном случае проявляет себя как – космическая сила, задающая ритм, а значит, и открывающая врата для зарождения жизни.

Сам небесный бай Маман сидит в золоченой юрте. Творение–рождение продолжается, расширяется и картина мира. На Мамана идет батыр Котибар (аналог Хаоса), грозя ему истреблением. Он претендует на золоченую юрту и дочь Мамана Айман, «которая хороша собой, словно в небе Луна». Смысл эпоса довольно прозрачен: если на Земле прерывается жизнь (продолжение рода), наступает космический Хаос. Жизнь должна быть обязательно проявлена, чтобы сохранить космическое равновесие.

Бездетный бай Байбори (из эпоса «Алпамыс-батыр») от отчаяния берет на воспитание мальчика Ултана рабыни Култая. Но этот ребенок – не его сын, потому он не может служить началом Гармонии. И, естественно, что «приемыш» (непроявленный) приносит баю и его роду одни страдания

Таковы же были и титаны в древнегреческой мифологии, рожденные от брака Урана-Неба и Геи-Земли. Старший из них – Океан, а младшие – огромные, сторукие, одноглазые и невероятно сильные циклопы и чудовищные гекатонхейры. Страх и отвращение вызывали они у отца своего. Страх и отвращение вызывает и Ултан у Байбори. И опасения его не напрасны. Когда Ултан подрастает, он становится «змее под стать» [5, с.218].

Деструктивная роль Ултана как антиначала ясна, именно он создает предпосылки для поиска истоков возникновения Гармонии. Как циклопы и гекатонхейры, вызывающие противоположные действия отца и матери – одно – уничтожающее (Уран их проглатывает), а другое – сохраняющее (Гея прячет сына – Зевса, подсунув Урану камень вместо ребенка), Ултан вызывает подобные действия со стороны своих родителей – Аналык и Байбори. Во избежание распада семьи – колыбели жизни, они раздают свои богатства и отправляются на поклонение святым. «Аналык» – это «Материнство», а «Байбори» – это «Предок». Они спрашивают у Баба-Ата («Старейшего Деда») благословение. До прихода стариков к могиле Баба-Ата «не лежала на ней плита, изукрашенная резьбой. Не было ограды вокруг, стены не вздымались крепки, купол не сиял голубой» [5, с.222]. Старики своими руками возвели

мавзолее - стены, купол. Они – создатели и просители, они возводят купол-небо и получают искомое – дитя, продолжение жизни на земле. И они же закладывают основы почитания предков. И только теперь, с установлением ритма – движения как стремления к цели и почитания предков – как восстановление порядка вещей возможно появления чуда – жизни.

Итак, Алпамыс, продолжатель рода человеческого, сходен по сути своей с фаустовским символом «вечно зеленого древа жизни». Вслед за ним, согласно сказанию, появляется еще один небожитель, Шашты-Азиз. Таким образом, Гармония восстановлена - их уже трое: Байбори, Баба-Ата, Шашты-Азиз.

Триада верхнего мира повторяет триаду всего космического начала. Каждая часть триады – высший, низший и срединный – делится, в свою очередь, на следующие три части, по закону голограммы сохраняя свойства и качества общего: высший, низший и срединный миры есть в каждом из общих высших, низших и средних миров. По представлениям казахов, такова структура Космоса – он девятислойный. Представители всех девяти слоев являются в любом случае предками. По-видимому, именно отсюда берет начало культ почитания девяти предков, сохранившийся у отдельных родов казахского народа.

Во всех казахских эпических сказаниях явно «прочитывается» одна и та же космогоническая картина мироздания. Божественное начало олицетворяется в предках, создающих Жизнь из Хаоса. Этими представлениями обусловлено у казахов и почитание старших, и поклонение культу предков. Лица казахов как бы всегда обращены назад, в прошлое. Молодежь воспитывалась на почитании старших. И, если Америка известна как страна, культивирующая детство, то казахи культивируют свое прошлое, своих предков. Значит ли это, что нация, живущая прошлым, обречена на вырождение? Возможно, многие сочтут утрату традиций одним из предвестников исчезновения этноса. Но народы, по Л.Н. Гумилеву, не исчезают, не отработав свою программу на Земле [6]. Казахи – молодая нация, которая еще до конца не выполнила свою историческую миссию. Она определяется процессами социальной и культурной модернизации казахстанского общества. С обретением независимости космическая мутовка (золотая мешалка) задала Казахстану очередное ускорение ритма жизни. Наша республика поставила перед собой задачу – войти в число 30-ти конкурентоспособных стран мира.

Итак, «небесная» основа составляет суть мифологического мировоззрения казахов. Это мировоззрение имеет символический характер, что четко проявляется во всем, что их окружало, начиная от жилья – юрты, – и заканчивая самим этнонимом «казак» [7].

Казахи – молодой этнос. На становление и развитие любого этноса оказывают влияние множество факторов. Казахская культура восходит своими корнями кномадам. Тюркская культура вобрала в себя опыт многих поколений племен ирано-тюркского происхождения, обитавших в Великой Степи. По мнению «последнего евразийца» - Льва Гумилева, более-менее связная история народов Великой степи может быть изложена только с III в. до н.э.,

когда монгольские племена были объединены хуннами, а их соседи скифы (саки) Причерноморья были сметены сарматами. Именно с хунну связана фаза подъема кочевого мира. Как и прочие этносы, хунны имели несколько «родителей», а затем создали собственную культуру, оказавшую определяющее влияние на весь последующий тюркоязычный мир. Хунну относят к палеосибирскому типу монголоидной расы [8].

Казахи – молодой этнос. На становление и развитие любого этноса оказывают влияние множество факторов. Казахская культура восходит своими корнями кномадам. Она вобрала в себя опыт многих поколений племен ирано-тюркского происхождения, обитавших в Великой Степи. По мнению «последнего евразийца» - Льва Гумилева, более-менее связная история народов Великой степи может быть изложена только с III в. до н.э., когда монгольские племена были объединены хуннами (гуннами), а их соседи - скифы (саки) Причерноморья - были сметены сарматами. Именно с хунну связана фаза подъема кочевого мира. Как и прочие этносы, хунны имели несколько «родителей», а затем создали собственную культуру, оказавшую определяющее влияние на весь последующий тюркоязычный мир. Хунну относят к палеосибирскому типу монголоидной расы.

Последние научные исследования по этногенезу казахов, ведущиеся на территории Казахстана вот уже более 10 лет, подтверждают, что Гумилев в своих выводах не ошибся. Международные исследования, по этой проблеме проведенные группой ученых из Казахстанского Республиканского Центра охраны здоровья матери и ребенка (Абдуллаевой А.М., Святовой Г.С., Кутцевым И. и др.) и коллективом уфимского Института биохимии и генетики УНЦ РАН выявили полиморфизм ДНК казахов: 58% их мтДНК – это монголоидные группы, 41, 46% - европеоидные. Казахи, как и многие другие народы, метисный этнос.

Завершает свой уникальный научный проект по идентификации казахского народа и генетик Н. Баймуханов. И те и другие исследования облегчены были тем, что казахи на протяжении многих веков отслеживают до 7-го колена свою родословную – шежире. Эти сведения и генетические исследования совпали на 85-90%. Баймуханов рассмотрел генетические данные 17 поколений казахов, что соответствует 600-летнему периоду и включает временной отрезок становления Казахской государственности – ханства. Генетический портрет казаха оказался следующим: 55-60% - восточноазиатская популяция (это – Сибирь и Монголия), 15-20 % - европейская, 15% - Ближний Восток и Средняя Азия, где отслеживаются арийские корни.

Генетические данные обрабатывались в самой крупной лаборатории ДНК в мире – в Хьюстоне. Они не противоречат данным, полученным группой казахстанских ученых под руководством генерального директора Института общей генетики и цитологии Л.Джансугуровой и совпадают с научными результатами антрополога О.Исмагулова: в VII – VI вв. до н.э. казахи пришли на территорию современного Казахстана из центра Евразии, колыбели многих цивилизаций (андроновской, таштыкской, пазырыкской и др.) – с Алтая.

Итак, племя и род хранят в себе информацию тысячелетий. А культура народа накапливает и передает из поколения в поколение самое дорогое - ценностное мировосприятие и миропонимание, позволяющие не потеряться народу в потоке времени пространства, сохранить свою идентичность.

Главная заслуга хуннов перед степными и европейскими народами заключается в том, что они многие века противостояли китайской экспансии, останавливали ханьскую агрессию и не пропустили китайцев в Евразию и Европу. Полтора столетия меньшие по численности хунны, у которых войско и народ были единым целым, сдерживали ханьскую агрессию. И лишь вечный прием – «разделяй и властвуй», использованный китайскими политиками, позволил Китаю формально одержать верх, включить хуннов в свою империю. Но не все из них покорились. Наиболее решительно настроенные (пассионарии) откочевали в долину Таласа, заручились поддержкой парфян и те выслали римские легионы на помощь хуннам. Правда, римляне были разбиты китайцами: в 1 в. до н. э. китайцы были сильнее римлян, но слабее хуннов. Хунны подняли внутри Китая восстание «краснобровых» и это стоило Китаю потери 70% населения. Спустя столетие новое восстание – «желтых повязок» - привело к гибели династии Хань и всей древнекитайской цивилизации

Во II-I вв. до н.э. хунны раскололись на 4 ветви, одна отступила на берега Яика и Волги, и там осела; другая захватила Семиречье и Джунгарию. Эти хунны смешались с кыпчаками и образовали метисный этнос – половцев (куманов). А в Причерноморье, куда отступили наиболее воинственно настроенные хунны, возник новый метисный этнос – гунны. Таким образом, до V в. кочевники-хунны ники-хунны были сильны и в Азии и в Европе.

Земли современного Казахстана входили в Западный тюркский каганат, центром которого было Семиречье с главным городом Суябом. Здесь селились тюркешы, карлуки, чигили и др. племена. Тюрки завоевали территорию современного Центрального Казахстана, Семиречья, Хорезма и Приуральские степи. На востоке, в долине Иртыша образовался союз кипчакских племен во главе с огузами. Постепенно кипчаки стали хозяевами всей территории современного Казахстана.

Тюркская культура вобрала в себя опыт многих поколений племен ирано-тюркско-монгольского происхождения, обитавших в Великой Степи. Со второго века тюркский язык стал языком общения многочисленных племен, вошедших в каганат. Сами тюрки, как народ, исчезли, растворились в истории, оставив в наследство своим многочисленным преемникам свое имя – тюрк (тюркут) и язык.

Великая Степь (Евразия в широком смысле) простиралась от реки Хуанхэ почти до берегов Дуная и Ледовитого океана, была населена европоидами (кроманьонцами), монголоидами и американоидами – индейцами, перебравшимися через Берингов пролив в поисках охотничьей добычи. До наших дней в тюркских наречиях встречаются слова, сходные с дакотами.

Древние тюрки поклонялись единому верховному Богу – Кок-Тенгри, почитали природу. Тенгрианство основано на синкретичном (нерасчлененном) восприятии мироздания и бытия человека. Кочевые народы соотносили свою

деятельность и быт с законами природы, наполняя повседневную жизнь и предания особым философским смыслом.

По мнению Льва Гумилева, более-менее связная история народов Великой Степи может быть изложена только с III в. до н.э., когда монгольские племена были объединены хуннами, а их соседи - скифы Причерноморья (саки), были сметены сарматами. С хунну связана фаза подъема кочевого мира. Как и другие этносы, они имели несколько «родителей», затем, объединив вокруг себя племена, жившие в пустыне Гоби, создали мощный этнос и собственную культуру, оказавшую огромное влияние на весь последующий тюркоязычный мир. Их относят к палеосибирскому типу монголоидной расы. Народ и войско у хуннов были единым целым. Хунны полтора столетия сдерживали китайскую агрессию, заслонив собой и Великую Степь, и европейские народы от ханьских набегов. Лишь вечный прием «разделяй и властвуй» позволил Китаю формально включить их в свою империю [9].

Наиболее решительные хунны откочевали в долину Таласа и, заручившись поддержкой парфян, которые выслали римские войска на помощь хуннам, объявили войну китайцам. Китайцы в I в. до н.э. были сильнее римлян, но слабее хуннов. Хунны подняли внутри Китая восстание «краснобровых» и это стоило Поднебесной потери 70% населения [8].

Своеобразие культуры древних тюрков обусловлено полукочевым образом жизни, широкими торговыми и культурными контактами с более древним миром кочевых племен – саками (скифами) и гуннами эпохи бронзы, сложной структурой общества, где совмещались военный и племенной строй с элементами военной демократии. Сведения о культуре предков казахов до нас дошли в хикметах Яссауи, описавшего кипчакские предания.

Таким образом своеобразие казахской философии выражается в том, что она, аккумулировав в себе элементов ряда других, не «растворилась» в них, а сохранила свое неповторимое своеобразие.

Ее концептуальной основой стали мифы, обычаи, традиции и эпические сказания, которые стали фундаментальной базой для пробуждения национального самосознания и самоидентификации, становления национальной философии.

Литература

- 1 Лосев А.Ф. Диалектика мифа. - М.: Мысль, 2001.
- 2 Хасанов Марат, Петрова Вера. Генезис и развитие казахской цивилизации. От VIII века до наших дней. Издательский Дом. Palmarium Academic Publishing. Германия, 2015.
- 3 Гумилев Лев. Древние тюрки. - М.: 2009.
- 4 Аджи Мурад. Полынь половецкого поля. - М.: 2008.
- 5 Казахский эпос. - Алма-Ата. 1958.
- 6 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. - М.: 2001.
- 7 Каракозова Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры. - Алматы. 2011.
- 8 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. - М.: Мысль. 1989.
- 9 Гумилев Л.Н. Эпохи и цивилизации. - М.: Издательство: [АСТ](#). 2008.

3	КАТЕГОРИЯ	14
16	МАХАНОВА А.Х. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И ЕГО РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ.....	17
28	ПРОХОРОВ А.М. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ.....	18
37	МУХАМЕДОВ П.М. МУСТАФА ШОҚАЙДЫҢ САЯСИ-ӘЛЕУМЕТТІК ӨЗҚАРАСЫ ЖӘНЕ «БІРТҮТАС ТҮРКІСТАН» ИДЕЯСЫ.....	20
51	БЫРГАКБАЕВА А. С. ПОЛИС КАК ТЕМА ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ.....	21
63	КАСАНОВ М. Ш., ПЕТРОВА В.Ф. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАЗАХСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	22
75		
84		
92		
102		
16		

Басуға 31.03.2016 ж. көп көбірек
Шартты баспа табығы 15,75. Пішімі 60x84 1/16
Тарауы 500 дүге.
«Волкова Е.В.» баспаханасында басылған шығармасы
Алматы қаласы, Райымбек даң., 7121.